

На правах рукописи

Дорохова Надежда Евгеньевна

**«РОССИЙСКИЕ ТОРИ» И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск – 2006

Работа выполнена на кафедре отечественной истории
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Жеравина Аниса Нурлгаяновна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Андреев Валерий Павлович

кандидат исторических наук, доцент
Горбунова Юлия Федоровна

Ведущая организация: Российский университет дружбы народов

Защита состоится « 8 » декабря 2006 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина 36, ауд. 41.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке при ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Автореферат разослан « ____ » октября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования. Рубеж XVIII–XIX столетий стал узловым пунктом в изменениях российского общественного сознания, подводя итоги века Просвещения и открывая перспективу грядущего индивидуалистического века. По словам А. С. Лаппо-Данилевского, именно «... в XVIII веке завязывались те узлы, которые приходилось распутывать или еще больше запутывать в настоящее время. От того, как мы будем понимать это время, зависит многое в настоящем и будущем... а между тем это время и остается почти неизвестным...»¹. Процесс гражданского и политического раскрепощения российского общества от «государева тягла» начался с наиболее образованных представителей дворянства, получивших возможность доступа к миру западноевропейских представлений и ценностей. В эту эпоху происходит эволюция картины мира, ментальных представлений и социального поведения дворян, связанная, прежде всего, с попытками самой власти вывести Россию из руслу самодержавной патерналистской традиции на европейский путь. При этом ужасы пугачевского восстания и французской революции постоянно напоминают о реальной угрозе самому существованию империи и требуют незамедлительных мер по укреплению здания российской государственности.

Вопрос о том, как понимали и воплощали ценности западноевропейского Просвещения в своей государственной деятельности и в личной судьбе наиболее проникнувшиеся европейским духом представители российского дворянства, рассматривается в настоящей работе на примере известных государственных деятелей России последней трети XVIII – начала XIX вв. графов А. Р. и С. Р. Воронцовых и близкого им круга. Принадлежа к возвысившемуся в елизаветинские времена роду, братья Воронцовы в той или иной мере были причастны и к правительственной политике в царствование Екатерины II, и к реформам начала царствования Александра I. В настоящей работе рассматриваются особенности западноевропейского влияния на отечественную ментальность и политическую традицию в контексте процессов модернизации и реформирования российской социально-политической системы. Вопрос о применимости европейских либеральных ценностей приобретает особую актуальность в контексте ситуации в России, вновь и вновь оказывающейся в ситуации исторического выбора между традиционными национальными и западными либеральными ценностями. К примеру, X Всемирный Русский Народный Собор, состоявшийся в апреле 2006 г., в итоговой де-

---

¹ Цит. по // Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Предисловие / Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 6.

кларации основное внимание уделяет проблеме совместимости прав человека и традиционных православных ценностей, оценивая современные либеральные представления в известной мере как угрозу нормам и ценностям, исторически свойственным России¹.

Степень изученности темы. Пристальный интерес к проблеме западноевропейского влияния на российские нравы появляется в отечественной дворянской историографии со времен М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина. Если первый полагает, что петровские преобразования и просвещенный абсолютизм Екатерины II привели к «повреждению нравов»², Н. М. Карамзин историческую заслугу Екатерины видит в том, что в ее царствование произошли существенные изменения в общественном сознании, и в высших гражданских состояниях исчез «дух рабства»³. С. М. Соловьев, рассматривая этапы российской социально-политической истории с точки зрения становления и «взросления» российского государства, изменения в российском национальном самосознании считал результатом национального выбора в пользу европейского пути развития⁴. В. О. Ключевский, рассматривая вопрос о попытках правовой реформы и созыва Комиссии об Уложении в царствование Екатерины II, поставил вопрос о неоднородности самого дворянского сословия к этому моменту и о противоречиях между старыми и «новыми» родами, получившими дворянство за выслугу по Табели о рангах⁵.

Во второй половине XIX можно отметить возросший интерес отечественных историков либерального и государственного направления к изучению изменений в российском общественном сознании на рубеже XVIII–XIX вв. Представитель либеральной школы А. А. Кизеветтер утверждал, что со второй четверти XVIII в. в России наиболее образованные представители дворянства, познакомившиеся с целым миром политических идей, начали критически всматриваться в окружающую их русскую жизнь и мечтать о коренном ее переустройстве согласно интересам своего сословия⁶. А. Н. Пыпин, исследуя общественные настроения в России на рубеже XVIII–XIX вв., характеризовал состояние умов верхушки российского дворянства в указанный период как «отвлеченное вольтерьянство», мирящееся с самыми грубыми преданиями и нравами старой России. Пыпин выделяет из ряда екатери-

¹ Декларация X Всемирного Русского Народного Собора о правах и достоинстве человека / Томские епархиальные ведомости. № 3 (109). 2006 г. С. 4.

² Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // О повреждении нравов в России и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание 1858 г. – М., 1983.

³ Карамзин Н. М. О древней и новой России. М., 2002. С. 393.

⁴ Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. XIV. М., 1994.

⁵ Ключевский В. О. О русской истории. М., 1993. С. 532–533.

⁶ Кизеветтер А. А. Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов н/Д., 1904. С. 25–26.

нинских дельцов А. Р. Воронцова, отмечая, что он «считался вообще одним из самых дельных и знающих стариков: молодые друзья Александра просили его советов и замечаний»¹. В. А. Бильбасов давал характеристику взглядам С. Р. Воронцова как противника любых насильственных переворотов и власти временщиков в ущерб интересам потомственного дворянства, франкофоба и сторонника англо-русской коалиции². В. И. Семевский сравнивал политические взгляды Н. И. Панина, Д. И. Фонвизина, М. М. Щербатова с воззрениями на преобразование российской политической системы Н. С. Мордвинова, Н. Н. Новосильцева и А. Р. Воронцова, рассматривая их в контексте борьбы дворянства за предоставление ему политических прав и свобод³. А. С. Лаппо-Данилевский, придерживаясь позитивистских взглядов на историю как на «науку о духе», отмечал избирательный механизм восприятия таких европейских правовых понятий, как личные права, материальная и духовная свобода⁴.

В отдельный ряд следует выделить работы историков государственно-правовой школы. Н. П. Павлов-Сильванский исследовал социальную природу российского дворянства, опираясь на понятия феодального права⁵. М. В. Довнар-Запольский подчеркивал, что реформаторская деятельность «молодых друзей» страдала неопределенностью и отсутствием ясного начала, в то время как «сенатская партия» сочетала аристократические убеждения с практической деловитостью и не менее горячей приверженностью реформам⁶. Указ о правах Сената от 8 сентября 1802 г. этот автор называет актом, на деле установившим его бесправие, и виновником этого положения считает именно Неофициальный комитет. А. Д. Градовский выделял три «партии», участвовавшие в государственных преобразованиях начала XIX в.: «аристократы», «молодежь», думавшая получить от царя «то, до чего другие народы дошли тяжким трудом»⁷, и, наконец, «канцелярия», то есть не слишком озабоченные собственно государственными интересами чиновники. Примечательно, что Градовский именовал новые учреждения, возникшие в результате

¹ Пытин А. Н. Общественное движение в России времен Александра I. Пг., 1916. Т. 3. С. 12.

² Бильбасов В. А. Исторические монографии. СПб., 1901. Т. 2.

³ Семевский В. И. Вопросы о преобразовании государственного строя в России в XVIII и первой четверти XIX. Очерк истории политических и общественных идей // Былое, 1906. № 1.

⁴ Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990.

⁵ Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898.

⁶ Довнар-Запольский М. В. Зарождение министерств в России и Указ о правах Сената 8 сентября 1802 года. М., б. г.

⁷ Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры // Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1899. С. 280.

правительственных реформ начала XIX в., «французско-канцелярскими». В исследовании, посвященном деятельности комитета министров в царствование Александра I С. М. Середонин доказывал, что к середине XVIII в. большая часть российского дворянства усвоила «западноевропейскую гражданственность», а в XIX в. перестало быть цельной корпорацией, так как в его среде образовался особый класс служилого бюрократического дворянства¹.

Проблемы государственных преобразований на рубеже XVIII–XIX вв. рассматривали Н. К. Шильдер и А. Е. Пресняков, проявляя большой интерес к психологической атмосфере этого времени, причем у Шильдера такой подход принимает полумистический оттенок². По мнению А. Е. Преснякова, видевшего в императоре Александре питомца XVIII века с его утопиями гармоничного государства, устроенного на началах естественного права, дворянский конституционализм на рубеже веков «не шел дальше осторожного упорядочения деятельности верховной власти», остро помня о недавно пережитой пугачевщине³. Носителей таких умеренно-конституционных воззрений А. Е. Пресняков, вслед за А. Чарторыйским, именовал «**российскими торями**», подчеркивая глубокий, по его мнению, консерватизм их политической программы, явившейся «плодом традиций XVIII века»⁴. Нельзя не отметить противоречивость подобной оценки, если понимать под «традициями XVIII века» идеи Просвещения, заложившие интеллектуальные основы французской революции.

Попытку классифицировать и теоретически обобщить различные течения российской общественно-политической мысли делает один из первых русских историков-марксистов М. Н. Покровский, выделяя в своем труде такое течение, как «монаршизм»⁵. По его мнению, это идейно-политическое движение дворянской оппозиции второй половины XVIII – первых лет XIX в., а его теоретик – князь М. М. Щербатов. Претензии «монаршистов» историк сводит к ограничению абсолютной власти императора при помощи Сената как «хранилища законов» и системы коллегий взамен министерств. В начале царствования Александра I «монаршисты» нашли удобный повод перейти от теории к практике, однако их идеи к этому времени стали чем-то устаревшим и даже смешным. Положительную программу «монаршистов» Покровский оценивает как «скудную», сводя ее лишь к защите «монаршистами» своих сословных привилегий.

---

¹ Середонин С. М. Исторический обзор деятельности комитета министров в царствование Александра Первого. СПб., 1902.

² Шильдер Н. К. Александр I. Его жизнь и царствование. СПб, 1897. Т. 1.

³ Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990.

⁴ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М., 1915. Ч. 2.

В послеоктябрьской историографии можно выделить две основные линии в изучении влияния западноевропейского Просвещения на воззрения и умонастроение верхов российского дворянства на рубеже XVIII–XIX вв.: во-первых, характерные для 30–50 годов взгляды на вольтерьянство как на безобидную фронду сторонников аристократической конституции, которые «охотно питались» внешне подходящими, но по духу очень от них далекими идеями западноевропейских конституционалистов, при этом воплощая в своих воззрениях буржуазную идеологию в силу «идеологических сдвигов», происшедших в российском общественном сознании с появлением «элемента капитализма». Такая схема излагается в обзоре И. Троицкого, посвященном фонду «Архива Воронцовых», хранящемся ныне в РГАДА¹. А. Преснов, давая характеристику завещания Н. И. Панина, написанного, по его мнению, Д. И. Фонвизиним, приходит к выводу, что к концу XVIII в. в России была подготовлена почва для появления конституционных идей². Н. С. Бак характеризует воззрения Д. А. Голицына, равно не принимавшего ни крайностей самодержавного деспотизма и крепостного права, ни ужасов французской революции, как «дворянско-либеральные»³. Термин «дворянский либерализм» использует П. С. Грацианский, причем «дворянский либерализм», по мнению автора, представляет собой, по приведенному им выражению Н. М. Дружинина, «причудливое сочетание» либеральных и реакционных воззрений. Оппозиционные настроения таких государственных деятелей, как Д. А. Голицын или А. Р. Воронцов, Грацианский объясняет борьбой высшей бюрократии с произволом монарха⁴. Проблеме эволюции общественного сознания в период реформ Александра I посвящены монографии Н. В. Минаевой и М. М. Сафонова. Задача первой работы, по определению автора, заключается в том, чтобы проследить наличие отдельных элементов просветительской идеологии, называемой автором «буржуазной», и ее влияния на правительственную политику Александра I⁵. В труде М. М. Сафонова большое внимание уделяется взглядам самого Александра I и на основании изучения его дневников делается заключение о том, что в молодые годы император был подвержен весьма радикальным настроениям. Воронцовы в этой ситуации предстают консерваторами, а их планы ограничения самодержавной

¹ Троицкий И. Архив Воронцовых // Литературное наследство. 1933. № 9–10. С. 397–420.

² Преснов А. Общественная мысль в России в конце XVIII века // Исторический журнал. 1938. № 9. С. 35–47.

³ Бак Н. С. Дмитрий Алексеевич Голицын // Исторические записки. 1948. № 26. С. 258–272.

⁴ Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984.

⁵ Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982.

власти через придание законодательной власти Сенату безнадежно устаревшими¹. Подобный подход перекликается с представлением о «революции сверху» Н.Я. Эйдельмана, по мнению которого императору, склонному к прогрессивным реформам, «неким» было их осуществлять². С.В. Мироненко рассматривает проблему реформ в контексте борьбы различных политических сил, окружавших императорский трон³.

В целом, исследования воззрений просвещенного дворянства в советский период отечественной историографии немногочисленны и носят, как правило, продиктованный официальной установкой характер, например, В.В. Мавродин рассматривает вопрос о политической борьбе в России, основываясь на материалах устного народного творчества и анализе взглядов А.Н. Радищева на крестьянский вопрос⁴. Б.С. Итенберг, говоря о влиянии идей западноевропейского Просвещения, находит это влияние поверхностным⁵. Как на пример принципиально иного подхода к теме можно указать на работу К.Е. Джеджулы, который утверждает, что содержание и дух русского вольтерьянства были укоренены в российской действительности⁶. Влиянию идей французского Просвещения на общественно-политическую мысль России второй половины XVIII посвящена работа В.И. Морякова, основное внимание уделяющего формированию взглядов А.Н. Радищева⁷. Анализ литературы показывает, что большинство упомянутых авторов выделяет А.Р. и С.Р. Воронцовых из круга представителей дворянской просвещенной элиты конца XVIII – начала XIX вв. Однако оценки исследователей крайне противоречивы: Воронцовых причисляют то к вольтерьянцам, то к «сановной фронде», то к «екатерининским старцам», то к «аристократической оппозиции» (С.Б. Окунь)⁸. Последний автор, с другой стороны, подчеркивает, что Г.Р. Державин называл престарелого графа А.Р. Воронцова «атаманом» молодых друзей молодого императора Александра.

---

¹ Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

² Эйдельман Н.Я. Революция сверху в России. М., 1989.

³ Мироненко С.В. Самодержавие и реформа. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989.

⁴ Мавродин В.В. Классовая борьба и общественно-политическая борьба в России в XVIII веке. (1773–1790). Курс лекций. Л., 1975.

⁵ Итенберг Б.С. Россия и Великая французская революция. М., 1989.

⁶ Джеджула К.Е. Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII века. Киев, 1972.

⁷ Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII века. Из истории общественно-политической мысли России. М., 1994.

⁸ Окунь С.Б. История СССР. (Лекции) Конец XVIII – начало XIX века. Л., 1974.

Ряд исследований, появившихся в последние годы, посвящен социокультурным и психологическим аспектам проблемы. П. С. Шкуринов рассматривает взгляды А. Н. Радищева с точки зрения философской антропологии¹. Е. Н. Марасинова, исследуя психологию элиты российского дворянства последней трети XVIII века на материалах переписки, использует методы контент-анализа и понятийной истории². Ю. М. Лотман рассматривает повседневную жизнь русского дворянина как своего рода текст, заключающий в себе определенную знаковую систему³. С. С. Минц ставит вопрос о самоидентификации российского дворянства⁴. Д. В. Тимофеев исследует восприятие либеральных идей просвещенной российской элитой в начале XIX в. в социокультурном аспекте⁵.

Традиционно большое значение в отечественной историографии придавалось вопросу об отношении российской просвещенной публики к французской революции. Исследование А. В. Чудинова показывает, что «якобинство» Павла Строганова носило вполне случайный и очень кратковременный характер⁶. В последнее время некоторые исследователи, как подчеркивает Н. Ю. Плавинская, склонны говорить о революции как о результате принципиального разрыва с политическим дискурсом Просвещения⁷. Рассматривая проблему разрыва и преемственности традиции Просвещения в восприятии французской революции ее российскими современниками, С. Я. Карп указывает на необходимость подхода к данному вопросу с учетом взаимодействия европейской и русской культур на рубеже веков⁸. Исследованию культурных связей России и «Туманного Альбиона» и феномена «англомании» посвящены труды Н. А. Ерофеева⁹, Т. Л. Лабутиной¹⁰.

---

¹ Шкуринов П. С. А. Н. Радищев. Философия человека. М., 1988.

² Марасинова Е. Н. Психология элиты русского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписки). М., 1999.

³ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2001.

⁴ Минц С. С. Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII – первой трети XIX века в освещении источников мемуарного характера. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981.

⁵ Тимофеев Д. В. Восприятие либеральных идей просвещенной элитой России в первой четверти XIX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002.

⁶ Чудинов А. В. «Русский якобинец» Павел Строганов. Легенда и действительность. // Новая и новейшая история. – 2001. – № 4. – С. 42–70.

⁷ Плавинская Н. Ю. «Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 1789–1799 гг. // От старого порядка к революции. К 200-летию Великой французской революции. Межвузовский сборник. Л., 1988. – С. 145–155.

⁸ S. Karp. «Les recherches récentes (1990-2000) des relations culturelles franco-russes au XVIIIe siècle». Cromohs, 8 (2003): 1–15. Режим доступа // http://www.cromohs.unifi.it/8_2003/karp.html.

⁹ Ерофеев Н. А. «Туманный Альбион». Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982.

¹⁰ Лабутина Т. Л. Была и Екатерина II англофилом? (К вопросу о вестернизации политической элиты России). // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 44–56.

В отдельный ряд следует выделить статьи и исследования, посвященные собственно графам Воронцовым и их окружению. Прежде всего, это скупые, но крайне содержательные комментарии самого П. И. Бартенева, опубликованного большинство документов Воронцовского архива¹. Биографические работы о Воронцовых созданы до 1917 г. А. И. Заозерским, В. В. Огарковым, Д. Д. Рябининым. В последние годы опубликованы исследования Т. А. Родиной, М. Л. Половинкиной и Е. А. Шляпниковой, посвященные дипломатической деятельности С. Р. Воронцова. Различные стороны жизни и деятельности представителей рода Воронцовых обсуждаются в ходе «Воронцовских чтений», ежегодно организуемых «Воронцовским обществом»². Председателем общества В. Н. Алексеевым в 2002 г. опубликована книга, посвященная истории рода Воронцовых и Воронцовых-Дашковых³.

Зарубежные историки в своих исследованиях, как правило, основное внимание уделяют развитию российского национального самосознания под влиянием западноевропейской культуры, следуя в данном случае традиции досоветской либеральной историографии. Британский историк Э. Кросс исследует взаимоотношения С. Р. Воронцова и английского посла Уитворта с точки зрения «вестернизации» России⁴. В работах Д. С. Мирского, Дж. Фишера, М. Раева большое значение придается интеллектуальным истокам российского дворянского либерализма. В публикациях журнала «Cahiers du monde russe et soviétique» исследуется история российско-европейских связей через изучение личностей, групп и институтов⁵.

В целом, в отечественной и зарубежной историографии тема восприятия, усвоения и укоренения либеральных ценностей в среде российской дворянской элиты ограничивается, как правило, оценкой политических воззрений отдельных ее представителей зачастую в весьма упрощенной схеме «либерализм-консерватизм». Подобный абстрактно-идеологический подход приводит к крайней противоречивости в оценках воззрений высшего дворянства, когда братья Воронцовы предстают у различных исследователей то западниками и крайними либералами, то просвещенными консерваторами, то приверженцами крепостного права и старины.

---

¹ Бартнев П.И. Роспись сорока книгам «Архива князя Воронцова». М., 1897.

² Воронцовы – два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Петушки, 2004. Вып. 9.

³ Алексеев В.Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002.

⁴ Cross A. Anglo-Russia. Aspects of Cultural Relation between Great Britain and Russia in the Eighteen and Early Nineteen Century. Oxford, 1993.

⁵ Contacts intellectuels, réseaux, relations internationales Russie, France, Europe, XVIIIe–XXe siècle. // Cahiers du monde russe / Autour du XVIIIe siècle /. 1982. Режим доступа: <http://monderusse.revues.org/documents684.html>.

Целью диссертационного исследования является изучение формирования и определение истоков особого типа ментальности и социального поведения, свойственного кругу просвещенных российских дворян на рубеже XVIII–XIX веков.

В соответствии с поставленной целью необходимо выделить следующие задачи:

- проанализировать представления братьев Воронцовых и их круга в контексте основных понятий социально-политического дискурса западноевропейского Просвещения;

- определить, в какой степени либеральные убеждения «российских тори» нашли применение в их практической деятельности в ходе государственных преобразований в России на рубеже XVIII–XIX веков;

- выявить истоки социального поведения и индивидуальных жизненных сценариев и определить структуру ценностей «российских тори» как социокультурного феномена.

Объектом данного исследования являются представители рода графов Воронцовых – братья А. Р. и С. Р. Воронцовы и близкий к ним круг лиц.

Предмет исследования – влияние западноевропейских либеральных понятий и ценностей эпохи Просвещения на взгляды, представления, поведение просвещенного российского дворянства на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий.

Хронологически исследование охватывает период, связанный со временем государственной деятельности братьев Воронцовых в годы царствования Екатерины II, Павла I и Александра I до 1813 г. качестве верхней границы, что обусловлено постепенным отходом изучаемого круга лиц от государственной и политической деятельности с 1805 г. по 1813 г. Выход за данные рамки обусловлен необходимостью обращения к мемуарным материалам, созданным в последующие десятилетия и опубликованным во второй половине XIX в. Таким образом, хронология исследования связана с временами формирования мировоззрения графов Воронцовых в эпоху просвещенного абсолютизма, с одной стороны, а, с другой стороны, ограничивается периодом, когда с воцарением Александра I появилась возможность практического воплощения этих взглядов. Учитывая своеобразие исторического момента, когда особенно остро ощущается «пограничность» русской культуры в момент, когда Россия на рубеже веков осмысляет себя как часть европейской цивилизации, такой подход позволяет проследить различные явления и события с точки зрения одновременно происходящих процессов, принадлежащих разным историческим ритмам и даже цивилизациям.

Территориальные рамки диссертации не ограничиваются пределами Российской империи, охватывая, поскольку тема работы связана с проблемой российско-европейских межкультурных связей, западноевропейское географическое и ментальное пространство. Данные рамки обусловлены тем обстоятельством, что основные персонажи исследования долгие годы провели за границей, в частности, граф С. Р. Воронцов более тридцати лет прожил в Англии, а адмирал П. В. Чичагов, покинув Россию в 1814 г., вплоть до своей кончины в 1847 г. прожил в Англии, Италии и Франции.

Источниковая база исследования. Основным источником при написании настоящей работы стали материалы фонда Воронцовых, хранящиеся в РГАДА¹, в том числе «Архив князя Воронцова» в 40 томах, который представляет собой значительную часть архива Воронцовых, изданную в период с 1870 по 1890 г. на средства князя С. М. Воронцова². Подбор материалов и их публикацию готовил известный знаток истории России XVIII века, археограф и издатель «Русского архива» П. И. Бартенев. В издании, наряду с официальными документами, широко представлена дипломатическая, а также личная переписка представителей рода Воронцовых с известнейшими государственными деятелями и выдающимися личностями XVIII–XIX вв. Обращение к материалам «Архива князя Воронцова» позволяет исследователю погрузиться в мир идей и настроений, свойственных кругу высокопоставленного российского дворянства, близкого к императорскому трону и непосредственно участвовавшего в бурной политической и придворной жизни своего времени.

Помимо официальной переписки, в том числе с особами императорского дома, в «Архиве» представлена обширная неофициальная взаимная переписка братьев Воронцовых, а также письма выдающихся мыслителей эпохи Просвещения – среди них Вольтер, барон Гримм, А. Н. Радищев. Среди корреспондентов братьев Воронцовых яркие личности эпохи – А. И. Вяземский, П. В. Завадовский, В. П. Кочубей, А. И. Морков, Н. Н. Новосильцев, Н. П. Панин, Ф. В. Ростопчин, П. А. Строганов, П. В. Чичагов и другие. Подобный характер источников, представляющих собой прямые высказывания личного характера (письма и автобиографические записки), дает возможность изнутри проанализировать образ мыслей, настроения, мотивы поведения просвещенного российского дворянства. При этом, как указывает П. И. Бартенев в комментарии к публикации писем Воронцовых, «...в тот век письма имели значение нынешних газет»³, и были зачастую единственным средством ин-

---

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1261. Воронцовы.

² Архив князя Воронцова. М., 1870–1895. Кн. 1–40.

³ Бумаги графа С. Р. Воронцова // Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 9. , С. VII.

формации. Будучи наряду с этим, средством межличностного общения и создания общественного (хотя и разделявшего весьма ограниченной группой лиц) мнения, письма из воронцовского архива являются одним из наиболее полных изданных источников личного, эпистолярного по большей части происхождения, относящихся к последней трети XVIII – началу XIX вв. В ходе исследования возникла необходимость обращения к другим фондам РГАДА (в частности, фонды Строгановых, Ермолова, материалы, касающиеся заключения П. В. Чичагова в Петропавловскую крепость, его переписка с императором Александром). Использованы также материалы фонда Чичаговых из отдела рукописей РГБ, публикации различных материалов в «Русском архиве» и «Русской старине», источники мемуарного характера (воспоминания А. Чарторыйского, записки П. В. Чичагова).

Поскольку в диссертации рассматриваются социально-политические воззрения братьев Воронцовых и их окружения в контексте практического воплощения в государственной деятельности, в ходе исследования появилась необходимость обращения к законодательным и делопроизводственным источникам. Среди них – Манифест о вольности дворянству, Манифесты о Сенате и об учреждении министерств, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, а также отчеты Министерства внутренних дел за первые годы царствования императора Александра. Проблематика работы, связанная с влиянием идеологии западноевропейского Просвещения, потребовала обращения к произведениям авторов, наиболее повлиявших на формирование воззрений российского дворянства в изучаемый период – Вольтера, Д. Дидро, Ш.-Л. Монтескье, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Э. Бёрка, а также к сочинениям современников графов Воронцовых – князя М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, графа Ж. де Местра. Оригиналы большей части материалов «Архива» были написаны по-французски, и опубликованы П. И. Бартеневым в «Архиве князя Воронцова» без перевода, в русском же переводе к настоящему времени опубликованы лишь незначительные фрагменты «Архива» (частично самим П. И. Бартеневым в «Русском Архиве»). Поэтому подготовка материала для данного исследования потребовала предварительной работы по переводу большинства материалов на русский язык.

Методология исследования основана на сочетании интеллектуальной и персональной истории в ее связи с социальным контекстом, при этом элементы микроисторического подхода сочетаются с рассмотрением макроисторических проблем. При изучении российской социальной и интеллектуальной истории данного периода возникает необходимость исследования феноменов и личностей, чья идентичность оказалась на пересечении двух

миров, причем необходимо учесть политический и дипломатический контекст этих взаимоотношений, реконструируя конкретную канву связей и влияний в их европейском контексте. Такой культурно-семиотический подход к истории, по словам Б.А. Успенского, предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым признается то, что является значимым с их точки зрения и позволяет создать реконструкцию системы представлений с точки зрения адаптации европейских культурных кодов и моделей¹. В данном случае требуется найти в изучаемых документах значимые повторы, имея в виду скрытые образные структуры, связанные с индивидуальными сценариями поведения героев исследования.

При этом главной задачей исследователя становится выяснение того, какое значение приобретали в российской действительности такие западноевропейские понятия, как «свобода», «рабство», «просвещение», «деспотизм», «равенство», «тирания». Признавая анахронизм главной методологической проблемой истории, и в особенности – исследований XVIII века, Ж. Сгар напоминает, что «... подлинное знание начинается с уяснения различий: с чуткого восприятия смысла слов в их историческом контексте, с ощущения их своеобразия и отдаленного созвучия с другими тестами той эпохи»². Такой подход позволяет лучше оценить соотношение новшеств и архаизмов, дает возможность точнее датировать моменты радикального изменения картины мира и уловить, в каком темпе происходило усвоение новых идей, не «разводя» при этом принципы изучения интеллектуальной и материальной сфер.

Наряду с применением методов и понятий смежных дисциплин при работе над исследованием использована система исследования исторического текста, предложенная Л.П. Репиной, то есть анализ ментального инструментария, определение средств и форм интеллектуального общения, установление взаимосвязей с социальным контекстом и культурным пространством³. Принцип историзма в данном случае обеспечивается тем, что исследуется не абстрактное бытование идеи в определенных сочинениях, а ее воплощение в тех социальных слоях, где ей находилось практическое применение.

Научная новизна исследования определяется обращением к проблеме интеллектуальных истоков и происхождения системы ценностей, свойственной просвещенным русским дворянам на рубеже XVIII–XIX вв. Предпринята

¹ Россия и Запад в XVIII веке. Беседа с Б.А. Успенским // История продолжается. М., СПб., 2001. С. 383.

² Сгар Ж. Полвека с XVIII веком // История продолжается... С. 149.

³ Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2006, № 1. С. 12.

попытка рассмотреть механизм адаптации культурных кодов с точки зрения двойного перевода британских правовых понятий, изложенных французскими просветителями, в восприятии графов А. Р. и С. Р. Воронцовых и их единомышленников. Показано влияние политического дискурса западноевропейского Просвещения на формирование социокультурного феномена «русских тори». В научный оборот вводятся материалы «Архива князя Воронцова», впервые переведенные автором с французского языка.

Практическая значимость работы связана с возможностью применения ее данных и полученных выводов в дальнейших исследованиях проблем «переводимости» ключевых западноевропейских правовых понятий в контексте российского политического дискурса. Материалы диссертации могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории отечественной общественной мысли и российско-европейских культурных связей, а также при разработке общих и специальных курсов по отечественной истории.

Апробация исследования. Основные результаты исследования отражены в публикациях и апробированы в выступлениях на III всероссийской конференции «Образование в Сибири» (Томск, 2004), международной конференции «I исторические чтения Томского государственного педагогического университета» (Томск, 2004), ежегодных Воронцовских чтениях (Лобня, Санкт-Петербург, Калуга), всероссийской конференции «Наука и образование» (Томск, 2005), международной конференции «Реформы и революции в России: XIX–XX вв.» (Москва, 2005), сборнике статей «Вопросы отечественной и всеобщей истории» (Томск, 2006), научном журнале «Вестник Новосибирского государственного университета» (2006). Материалы диссертации отражены в 6 публикациях общим объемом 3,5 печатных листа.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, двух приложений.

Во введении обоснована актуальность темы исследования, проанализирована степень ее научной разработанности, сформулированы цели и задачи исследования, определены хронологические рамки, дана характеристика источниковой базы и методологических основ, устанавливается научная и практическая значимость диссертации.

В первой главе анализируется «ментальный инструментарий», то есть ключевые понятия, представления, ценности века Просвещения в российском историческом контексте. В данной главе на материалах «Архива князя Воронцова» рассматривается распространение и интериоризация в России

на рубеже XVIII–XIX вв. таких понятий и ценностей, как «свобода», «равенство», «деспотия», «тирания», «рабство», «общественное мнение».

В первом разделе рассматриваются воззрения А. Р. Воронцова, для которого наибольшую ценность представляет внутренняя свобода личности, не зависящая от произвола «деспота». Вольтерьянский дух нашел логическое продолжение в духовных исканиях, где большое значение придавалось внутренней жизни и борьбе со страстями, а истинно свободным признавался человек, свободный не от окружающего его произвола, а от собственных страстей. Наиболее значимым в такой системе ценностей становится нравственное самоусовершенствование, исправление нравов, работа над «диким камнем» русской души. Подобные представления в соединении со стоицизмом в духе Сенеки, как указывал Г. В. Вернадский, создали новый психологический тип русского дворянина-патриота, стремящегося к общественному благу и духовному совершенству¹.

Что касается политических воззрений А. Р. Воронцова, то основное его убеждение, ставшее, по-видимому, результатом многолетнего опыта государственной деятельности, заключается в весьма простом подходе. Суть его – в максимальном сбережении и умножении численности населения, крайне недостаточного для столь обширной империи, какой Россия стала к концу XVIII в. Нельзя не отметить, что подобный взгляд соответствовал распространенному в эпоху Просвещения мнению, что единственным истинным богатством любой страны является населяющий ее народ.

Во втором разделе главы рассматривается происхождение воззрений графа С. Р. Воронцова, нашедшего в «Духе законов» Монтескье источник своих политических убеждений. Понятия «гражданин», «просвещенность», «натуральные права» граф усвоил на всю жизнь, познакомившись в возрасте 16 лет со знаменитым сочинением Монтескье. Вслед за французским мыслителем видя в произволе величайшее зло, граф полагал, что защитой от этого бедствия должна стать неприкосновенность и независимость личности и собственности дворянина. Воззрения Монтескье оказались особенно близки С. Р. Воронцову именно в силу того, что французский мыслитель отводил почетное и вместе с тем ответственное место в государственном устройстве дворянству как силе, ограничивающей монаршую власть, не позволяя ей впасть в деспотизм. Сословный представительный орган, аналогичный английскому парламенту, должен был в «истинной монархии» исполнять функцию «хранилища законов», дабы государство управлялось не через «визирей» как инструмент самодержавного произвола, но в соответствии с «духом законов».

---

¹ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. С. 319.

В третьем разделе характеризуются взгляды младшего современника братьев Воронцовых адмирала П. В. Чичагова, получившего первые «уроки свободы» во время своего пребывания в Англии и знакомства с графом С. Р. Воронцовым. Устанавливается значение в формировании воззрений Чичагова таких ключевых понятий западноевропейского Просвещения, как «свобода», «рабство», «деспотизм». Во взглядах адмирала выявляется близость к теориям гражданского общества, высшей ценностью становится личная и гражданская свобода и право собственности как залог личной независимости. При этом Чичагов отвергает эгалитарные идеи как «химические», утверждая, что люди равны лишь при рождении и в смерти, которая одна и есть состояние идеального равенства.

В четвертом разделе главы рассматривается вопрос, каким образом Великая французская революция повлияла на восприятие идей западноевропейского Просвещения современниками событий. Значительная часть раздела посвящена документу из «Архива князя Воронцова», до сих пор не замеченному исследователями эпохи. Речь идет о письме гражданина Женевы Ф.-П. Пикте графу А. Р. Воронцову о французской революции. Личность автора, обстоятельства появления документа, и его содержание представляют большой интерес с точки зрения проблематики данной работы. Вера в гражданские добродетели и возможности человеческого разума объединяет швейцарского просветителя, мыслителя и авантюриста и «российских тори» в едином поле культурного и межличностного обмена, которое всегда окружало братьев Воронцовых не только в России, но и в Европе.

В представлениях братьев Воронцовых и их окружения взятие Бастилии и пугачевское восстание рассматривались как стороны единого процесса, несущего угрозу уничтожения российской государственности и дворянского сословия как ее опоры. Бурные события во Франции, трактуемые как антиконституционный переворот, лишь укрепили Воронцовых и их сторонников в последовательной приверженности к правовым принципам в «духе законов» Монтескье. Для них эти идеалы нашли свое воплощение отнюдь не в эгалитарных теориях, проповедуемых последователями Ж.-Ж. Руссо. Для Воронцовых именно «дух законов» в «торийском», конституционно-аристократическом понимании воспринимался как гарантия от губительного для российского государства деспотизма и произвола, будь то произвол государства или революционной толпы.

Принадлежа к кругу российского дворянства, оказавшемуся на пересечении европейского межкультурного и межличностного обмена, графы А. Р. и С. Р. Воронцовы а также их современники и последователи усвоили, вместе с либеральной терминологией, определенную систему ценностей. В данном

случае столь частое цитирование Вольтера в переписке А. Р. Воронцова в контексте полемики французского просветителя с представлениями о предустановленной гармонии мира в духе Лейбница связано с тем, что обезличенной философии Панглосса противопоставляется страдающая от собственного несовершенства и несовершенства окружающего мира, но стремящаяся к внутренней свободе человеческая индивидуальность. Внутренняя свобода для А. Р. Воронцова, как и для многих его современников, близких к масонскому движению, является наивысшей ценностью.

Идея свободной человеческой личности как основы, математической единицы, роста человеческого общества пронизывает взгляды адмирала П. В. Чичагова. Индивидуализм он рассматривает как проявление божественного духа в человеке, отрицая в то же время безликое Провидение, за что столь часто укоряет адмирала его метафизический оппонент Жозеф де Местр. Но внутренняя свобода для Чичагова возможна лишь при условии свободы экономической, то есть гарантий правовой защиты собственности, и свободы личной, то есть гарантий от произвола в отношении личности. Экономические и социально-политические идеи Ш. Монтескье, Д. Локка и А. Смита рассматриваются в качестве фундамента для построения здания российского общества и государства. Наиболее совершенной и соответствующей геополитическим особенностям России моделью признается истинная монархия, основанная, по Монтескье, на принципе чести и построенная на взаимодействии монарха и благородного класса (дворянства). В подобной системе представлений дворянин наделен всеми личными и гражданскими правами и привилегиями, подчеркивающими его почетное положение в обществе. В социологической терминологии П. Бурдьё можно рассматривать подобные взгляды как стремление просвещенных российских дворян к приобретению «символического капитала», обеспечивающего доминирующего общественного положения¹. Тесно связанный с понятием чести, этот взгляд на благородное сословие как на сообщество граждан, а не рабов царя, каковыми были русские дворяне до появления Жалованной грамоты дворянству, свидетельствует о развитии среди наиболее просвещенных русских дворян национального и гражданского самосознания, основанного на ценностях и представлениях западноевропейского Просвещения.

Во второй главе бумаги А. Р. и С. Р. Воронцовых рассматриваются с точки зрения их участия в правительственных реформах в первые годы царствования

¹ Бурдьё П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. – М., СПб. С. 143.

ния Александра I и их отношения к тому, в каком направлении пошли государственные преобразования.

В первом разделе анализируются материалы «Архива князя Воронцова», связанные с планами государственных преобразований в начале царствования Александра I. Возможность применить на практике либеральные ценности представилась графам А. Р. и С. Р. Воронцовым лишь на закате их политической карьеры, с приходом на трон Александра I. «Молодые друзья» императора (В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов, П. В. Чичагов) оказались, в той или иной мере, «политическими воспитанниками» А. Р. и С. Р. Воронцовых. Большое значение их «крестные отцы» придавали возрождению роли Сената как законодательного органа, долженствующего ввести самодержавие в правовое русло. Ответность министров перед Сенатом рассматривалась как необходимое условие усовершенствования российской государственной системы и повышения эффективности управления благодаря личной ответственности министров.

Во втором разделе рассматривается вопрос о том, каким образом планы преобразований нашли воплощение на практике. В условиях, когда решения принимались императором единолично, хотя и под влиянием его ближайшего окружения, «дух законов» не стал основным принципом государственной системы империи. Над принципом коллегиального управления, заложенным в российской политической традиции, по мнению Воронцовых, во времена Петра I, возобладал «министерский деспотизм», полицейско-бюрократический стиль управления, дух интриг и недомолвок. Потерпел неудачу столь дорогой Воронцовыми план по превращению Сената в орган государственной власти, сочетающий функции «хранилища законов» и сословного представительного органа. «Инквизиторский дух» генерал-прокурора Сената Г. Р. Державина превратил это учреждение в место расправы с личными недругами. Министерство внутренних дел во главе с одним из «учеников» Воронцовых В. П. Кочубеем в своей деятельности проявляло склонность к охвату чуть ли не всех областей жизни империи, включая сельское хозяйство и общественное призрение. Отсутствие четко разграниченных полномочий, канцелярская неразбериха, обычай императора решать все вопросы с глазу на глаз с министрами препятствовали формированию «стройного здания» российской государственности, о котором поначалу мечтали и молодые реформаторы, и их наставники.

В третьем разделе характеризуются итоги преобразований с точки зрения их вдохновителей и поначалу деятельных участников событий – братьев Воронцовых и их единомышленников. «Атаман» «молодых друзей» А. Р. Во-

ронцов покидает пост государственного канцлера, не видя дальнейшего смысла в исполнении этих обязанностей. Между С. Р. Воронцовым и В. П. Кочубеем происходит разрыв из-за того, что Кочубей, будучи министром внутренних дел, решает вопросы своего обширного ведомства наедине с императором, как, впрочем, и остальные министры. П. В. Чичагов отказывается от исполнения обязанностей морского министра и уезжает с семьей в Париж, критикуя министерство внутренних дел и «воспитанного в этой школе» М. М. Сперанского. Довершает картину переориентация внешней политики на Францию после Тильзитского мира, воспринятого «российскими тори» как величайшее унижение и чуть ли не национальное предательство. В силовом поле российского времени и пространства, между Пугачевым и Аракчеевым как проявлениями произвола анархического и произвола государственного, либерально-конституционный вектор российской внутренней и внешней политики неожиданным образом изменил свое направление к глубочайшему разочарованию самих реформаторов и их политических наставников братьев Воронцовых. Стройная модель монархического государства, опирающегося на дворянство, описанная Монтескье под влиянием сложившейся в Англии политической практики, в России трансформировалась в бюрократическом направлении. Процесс возникновения «бюрократического поля»¹, воплощением которого стала фигура «чиновника огромного размера»² М. М. Сперанского, стал непреодолимым препятствием на пути осуществления конституционных проектов «российских тори», а сами эти проекты непостижимым образом оказались в одно и то же время и безнадежно устаревшими, и крайне преждевременными.

Третья глава посвящена социокультурному аспекту проблемы, основываясь, по большей части, на переписке С. Р. Воронцова и П. В. Чичагова, а также на данных «Архива адмирала Чичагова» и фонда Чичаговых (ОР РГБ).

В первом разделе рассматриваются личности и судьбы обоих корреспондентов, имеющие много общего. В данном разделе на материалах переписки графа С. Р. Воронцова и адмирала П. В. Чичагова рассматривается вопрос о том, каким образом непосредственное знакомство с британской социально-политической моделью, либеральными ценностями и английским образом жизни определило поразительное сходство не только их воззрений, но и индивидуальных сценариев поведения, личной и политической биографии. Оба подверглись преследованиям в царствование Павла I (секвестр имений С. Р. Воронцова за невозвращение в Россию и заключение в Петропавловскую кре-

---

¹ Бурдые П. От королевского дома к государственному интересу... С. 175.

² Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 346.

пость П. В. Чичагова), выражали энтузиазм по поводу предполагаемых реформ в начале царствования Александра I, испытали горькое разочарование в реформах и в самой персоне императора. «Невозвращение» П. В. Чичагова в Россию в ответ на Указ Николая II в 1834 г. симметрично отражает аналогичную ситуацию в жизни С. Р. Воронцова.

Второй раздел посвящен переломному моменту биографии П. В. Чичагова – Березинскому сражению и его последствиям для военной и государственной карьеры адмирала. Распоряжение Александра I, отданное им Чичагову «через голову» М. И. Кутузова, о задержании Наполеона при переправе через Березину, оказалось невыполненным и, возможно, неисполнимым. Как подтверждают свидетельства участников событий, действия русских частей, и в значительной степени, по мнению А. П. Ермолова, действия армии под руководством П. В. Чичагова привели к большим потерям французов при Березине. Однако придворные и штабные слухи, недовольство самого императора заставили адмирала, несмотря на увещевания С. Р. Воронцова, покинуть свои посты, а вскоре и Россию. В данном разделе это событие интерпретируется с точки зрения несовместимости культурных кодов и ценностных представлений Чичагова с общепринятым стилем поведения высокопоставленного представителя придворных кругов.

В третьем разделе главы делается попытка дать оценку англomanии обоих корреспондентов как социокультурного феномена. Изучение материалов «Архива князя Воронцова» позволяет говорить о братьях Воронцовых и круге их сторонников как об определенном социально-культурном феномене, объединявшем группу просвещенных дворян, входивших в состав государственной элиты России на рубеже XVIII–XIX вв. Убеждения братьев Воронцовых князь Адам Чарторыйский в своих мемуарах охарактеризовал как «торийские», а графа С. Р. Воронцова именует «закоренелым тори»¹. Это определение Чарторыйского указывает на значение аристократических сословных ценностей в системе взглядов и ценностей, усвоенной братьями Воронцовым и их сторонниками, чему способствовал, по мнению Чарторыйского, аристократизм старшего и «чистый торизм» младшего Воронцова. Парадоксальное, на первый взгляд, определение «российские тори», на наш взгляд, весьма адекватно и емко характеризует тип социального поведения, сформировавшийся у группы наиболее просвещенного и европеизированного российского дворянства на рубеже веков. Многомерность этого определения в силу присутствующих в нем пространственно-временных характеристик,

---

¹ Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre I. Paris, 1887. Tome second. P. 301.

указывающих на ее российское происхождение и связь с английской моделью социального поведения, делают это сочетание, пользуясь словами П. Рикера, «живой метафорой», создавая новое, «странное» предикативное соответствие¹.

В заключении подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы. Истинные сыновья своего века графы А. Р. и С. Р. Воронцовы, также как их современники и последователи, с юности усвоили вместе с либеральной терминологией определенную систему ценностей. Наивысшей ценностью для А. Р. Воронцова является именно свобода, понимаемая им как внутренняя свобода личности, не зависящая от внешних обстоятельств или свойственных человеческому роду страстей. Идея свободной человеческой личности как основы человеческого общества составляет базовый принцип взглядов адмирала П. В. Чичагова. Именно в личной свободе усматривает он проявление божественного духа в человеке, отвергая, к огорчению графа де Местра, безликое Провидение. Внутренняя свобода обеспечивается лишь при условии свободы экономической, то есть гарантий правовой защиты собственности, и свободы личной, то есть гарантий от произвола в отношении личности. Лишь в условиях «истинной монархии», в понимании Ш. Монтескье, основанной на принципах чести и ограничения произвола «духом законов», просвещенный дворянин, как обладатель определенного «символического капитала» (принадлежности к привилегированному сословию) может пользоваться личными, гражданскими и политическими правами. Это представление о благородном сословии как о гражданском сообществе, свидетельствует о распространении среди наиболее просвещенных русских дворян национального и гражданского самосознания, основанного на ценностях и представлениях западноевропейского Просвещения.

Общий «язык» как система коллективных представлений объединяет в коллективную личность наиболее просвещенных представителей высшего российского дворянства, к которым, несомненно, следует отнести братьев Воронцовых и их, по выражению П. И. Бартенева, «учеников». Большое значение в формировании воззрений и представлений «российских тори» приобретает культурный обмен и усвоение ими ценностей западноевропейского Просвещения, и таких его ключевых понятий, как «свобода», «рабство», «равенство», «просвещенность», «деспотизм», «частное лицо (индивид)». Деспотизм в рассматриваемой системе представлений заключается не в самодержавии как одной из форм государственного управления, а в любых ви-

---

¹ Рикер П. Время и рассказ. Т.1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб. 1998. С. 7.

дах произвола. Французская революция или пугачевское восстание с этой точки зрения представляют собой проявления анархического произвола. Самодержавная форма правления в «пространной» Российской империи необходима и неизбежна, по мнению не только братьев Воронцовых или гонимого всяческими революциями женева Ф.-П. Пикте, но и А. Н. Радищева, причем основанием подобного убеждения становится «Дух законов» Монтескье.

Наибольшей угрозой для успешного осуществления реформ государственного управления в первые годы царствования Александра I, по мнению С. Р. Воронцова, становится «министерский деспотизм». Российский вариант деспотизма для братьев Воронцовых – это, прежде всего, следствие «развращенности нравов» и отсутствия общественного мнения в России. «Развращенность нравов» трактуется как отсутствие просвещенности, то есть осознания индивидом своих личных и гражданских прав, равно как и личной ответственности. По убеждению П. В. Чичагова, российский деспотизм существует благодаря рабству, понимаемому как состояние взаимного страха (раб боится господина, господин боится раба). Рабским духом, как ржавчиной, по мнению Чичагова, пронизано все российское общество, да и себя самого он считает не свободным от него. При таком положении дел братья Воронцовы и их сторонники считали, что обладать гражданскими правами и быть способными к управлению государством в современной им Российской империи могут только люди, владеющие собственностью, гарантирующей их личную и имущественную независимость, и просвещенные в духе законов. О политических правах остальной части населения, пребывающей в рабстве, не может быть речи. Хотя крепостное право, несомненно, признается величайшим злом и гнусным явлением, противным христианскому закону, отмена его – дело отдаленного будущего, в отличие от личной продажи, которая, по мнению Воронцовых и их «учеников», должна быть отменена без промедления.

В этих условиях дворянское сословие рассматривается как социальная опора государства, как класс людей, по своей социальной природе не только заинтересованных в сохранении гарантий собственной личной и имущественной безопасности, но и несущих прямую ответственность за стабильность государства. В системе подобных представлений сословные интересы дворянства отождествляются с национальными интересами страны, а дворянству отводится роль сословия, несущего главную ответственность за ее судьбы. Важнейшей государственной задачей при этом должно стать умножение народа пространной, но малонаселенной империи, о чем пишет Александру I

вскоре по его восшествии на престол А. Р. Воронцов¹. Именно народ, по мнению Воронцовых, является главным российским ресурсом и источником могущества государства. Этот взгляд, будучи несомненным результатом многолетней практической деятельности на государственном поприще, связан также с представлениями об истинном богатстве наций, получившими распространение в восемнадцатом веке.

Однако опыт реального участия в государственных и военных делах, в том числе попытки превратить Сенат в подобие палаты лордов, ограничивающей самодержавный произвол, приносят героям нашего исследования глубокое разочарование. Сделать огромную империю более управляемой, внедрить эффективную административную систему, на место произвола поставить закон – именно в этом заключались первоначальные цели реформаторов. Однако попытки просвещенного дворянства приобрести политические права через Сенат по образцу верхней палаты английского парламента не имели перспективы именно в силу генетически иного, чем в странах Западной Европы, происхождения российского дворянства. В итоге возобладали бюрократическая модель социально-политического устройства российского общества, от которой предостерегал С. Р. Воронцов Екатерину II в своей «Записке о дворянстве». Вместо монархии, находящей в дворянском сословии социальную опору и в то же время предтечу гражданского общества как гарантию от губительного деспотизма, укрепилась бюрократическая схема «Государь – офицеры – народ», а власть самодержца, не ограниченная надзором Сената как «хранилища законов», осуществлялась через близкого к трону «визиря».

Глубинное расхождение между путем, по которому последовало российское общество и государство в начале XIX в., и направлением, предлагавшимся «российскими тори» для приближения к английской социально-политической модели, представляется ключевым моментом для понимания представлений, ценностей, мотивов социального поведения, в конечном счете, судьбы героев нашего исследования. Характерный для братьев Воронцовых и их последователей сплав либеральных и сословных ценностей с патриотическими убеждениями, в сочетании с предчувствием предстоящих потрясений, их стремление приблизиться во временном и пространственном измерении к европейской, точнее, английской модели и стандартам жизни, воплотившим, по их мнению, идеалы Просвещения, позволяют говорить о социально-культурном феномене «российских тори», возникшем на том пересечении эпох и цивилизаций, каким стал рубеж восемнад-

---

¹ *Примечания графа А.Р. Воронцова на некоторые статьи, касающиеся до России // ЧОИДР. Кн. I. С. 101.*

цатого и девятнадцатого столетий в российской истории. «Виртуальный» либерализм «российских тори», хотя и не осуществленный на деле, несмотря на все их попытки воплотить в российской действительности свои убеждения, оказал свое влияние на последующее развитие русской общественной мысли.

К работе прилагаются переводы с французского языка документов «Архива князя Воронцова», ранее не переведившихся на русский язык. Это «Записка графа Семена Романовича Воронцова о дворянстве», и письмо Ф.-П. Пикте к А. Р. Воронцову.

Содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. Дорохова Н.Е. Влияние идеологии Просвещения на политический дискурс российской дворянской элиты последней трети XVIII – начала XIX вв. (по материалам «Архива князя Воронцова») // Материалы III Всероссийской научной конференции «Образование в Сибири: актуальные проблемы истории и современности». 14–15 мая 2004г., Томск. В 2 т. Т. 2 Томск: Изд-во ТГПУ, 2004. – С. 104–108. (0,4 п. л.)
2. Дорохова Н.Е. Социально-политические взгляды Павла Васильевича Чичагова // Материалы международной конференции «Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета». 16–17 ноября 2004г. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2005. – С. 84–91. (0,5 п. л.)
3. Дорохова Н.Е. Век Просвещения и «российские тори» (по материалам «Архива князя Воронцова») // IX Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (25–29 апреля 2005 г.): Материалы конференции: в 6 т. Т. 3. Ч. 1. Инновационная деятельность в науке и образовании. Педагогика. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. – С. 206–212. (0,4 п. л.)
4. Дорохова Н.Е. Реформы первых лет царствования Александра I в материалах «Архива князя Воронцова» // Вопросы отечественной и всеобщей истории: Сборник статей. Вып. 3 / Под ред. проф. В. П. Бойко. Томск: Изд-во ТГПУ, 2006. – С. 38–51. (0,7 п. л.)
5. Дорохова Н.Е. Переписка графа С. Р. Воронцова и адмирала П. В. Чичагова (по материалам «Архива князя Воронцова») // Воронцовы – два века в истории России: труды воронцовского общества. Вып. 10. / Ред. и сост. В. Н. Алексеев. Владимир: Транзит-Икс, 2006. – С. 42–57. (1 п. л.)
6. Дорохова Н.Е. Между Пугачевым и Робеспьером: Великая французская революция в переписке А. Р. и С. Р. Воронцовых // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 5.

Вып. 1 (дополнительный): История. Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2006. – С. 103–107. (0,5 п. л.)

Подписано в печать: 25.10.2006 г. Бумага: офсетная
Тираж: 100 экз. Печать: трафаретная
Формат: 60×84/16 Усл. печ. л.: 1,48
Заказ: 196/Н

Издательство
Томского государственного педагогического университета
г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 52-12-93
e-mail: publish@tspu.edu.ru

